

УДК/UDC 343.3/7; 342.9

Формы взаимодействия охранительных норм КоАП РФ и УК РФ: проблемы разграничения и квалификации преступных деяний

Пантюхина Инга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

г. Рязань, Россия

e-mail: i.pantjuhina@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 3985-3067

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-2910>

Сидорова Светлана Андреевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории права и административно-правовых дисциплин

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

г. Рязань, Россия

e-mail: s.sidorova@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 6825-1340

Аннотация

В статье на основе анализа Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации авторами выделены четыре формы взаимодействия норм об административных правонарушениях и норм, регламентирующих преступления. В основу выделения положена техника их построения: конструирование преступлений на основе норм, регламентирующих административные правонарушения, и наоборот; конструирование составов преступлений посредством использования в качестве их признаков административных деликтов; построение посредством одинаковых признаков, что делает их смежными или конкурирующими; конструирование составов преступлений с административной преюдицией. На основе конкретных норм показаны примеры выражения взаимодействия административных и уголовно-правовых норм, определены и представлены проблемы их разграничения, а также проблемы квалификации преступлений с признаками административных правонарушений и с административной преюдици-

ей. Для устранения выявленных недостатков взаимодействия административных и уголовно-правовых норм авторы считают необходимым: выявление всех таких норм, проведение их углубленного, детального анализа и на его основе приведение норм в согласование между собой; исключение отдельных таких норм из действующего законодательства; выработку и легализацию критериев разграничения норм и правил квалификации при их конкуренции.

Ключевые слова: административное правонарушение, преступление, признаки преступления, общественная опасность, вредные последствия, ущерб, смежные деяния, конкуренция норм, административная преюдиция.

Forms of interaction of the protective norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation: problems of differentiation and qualification of criminal acts

Pantyukhina Inga Vladimirovna

Candidate of Law, assistant professor, Head of the Department of Criminal law and Criminology

Ryazan State University named after S. A. Yesenin

Ryazan, Russia

e-mail: i.pantuyhina@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 3985-3067

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-2910>

Sidorova Svetlana Andreyevna

Candidate of Law, assistant professor, Head of the Department of Theory of Law and Administrative-Legal Disciplines

Ryazan State University named after S. A. Yesenin

Ryazan, Russia

e-mail: s.sidorova@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 6825-1340

Abstract

In the article, based on the analysis of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, the authors have identified four forms of interaction of norms on administrative offenses and norms regulating crimes. Their allocation is based on the technique of their construction: the construction of crimes based on the norms governing administrative offenses and vice versa; constructing the elements of crimes by using administrative offenses as their signs; their construction by means of identical features, which makes them adjacent or competing; the construction of crimes with administrative prejudice. On the basis of specific norms, examples of the expression of the interaction of administrative and criminal law norms are shown, the problems of their differentiation, as well as the problems of qualification of crimes with signs of administrative offenses and with administrative prejudice are identified and presented. To eliminate the identified shortcomings in the interaction of administrative and criminal law norms, the authors consider it necessary: to identify all such norms, conduct their in-depth, detailed analysis and, on its basis, bring the norms into agreement with each other; exclusion of certain such norms from the current legislation; development and legalization of criteria for delineating the norms and rules of qualifications in their competition.

Key words: administrative offense, crime, signs of crime, public danger, harmful consequences, damage, related acts, competition of norms, administrative prejudice.

Особенностью российского законодательства является достаточно тесная взаимосвязь отдельных его отраслей, а иногда и явная зависимость норм одной отрасли от другой. Проявления такой зависимости демонстрируют современные Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ) [1] и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) [2]. Некоторые виды охранительных правоотношений, регулируемых административным и уголовным законодательством, достаточно близки по своему содержанию, а потому и регулирующие их нормы иногда настолько схожи, что создают для правоприменителя серьезные проблемы.

Чрезмерное сближение содержания некоторых правовых норм чревато усугублением уже существующих проблем как теоретического, так и практического характера. Также совершенствование уже существующих

норм нередко приводит к обратному результату: отнюдь не разрешению существующих проблем, а возникновению новых, ранее не существовавших, что наглядно демонстрируют вышеуказанные законы.

Взаимодействие норм УК РФ и КоАП РФ имеет несколько форм проявлений, которые условно можно разделить на четыре группы:

- 1) конструирование уголовно-правовых норм на основе норм, регламентирующих административные правонарушения, или наоборот, конструирование административно-деликтных норм на основе уголовно-правовых;
- 2) конструирование составов преступлений посредством использования в качестве его признаков административных деликтов;
- 3) конструирование преступлений и административных правонарушений настолько близкими по содержанию, что они становятся между собой смежными или вовсе конкурирующими;
- 4) конструирование преступлений с административной преюдицией.

1. Конструирование уголовно-правовых норм на основе норм, регламентирующих административные правонарушения, и наоборот, конструирование административно-деликтных норм на основе уголовно-правовых выражается в том, что:

- 1) административному правонарушению при наличии определенных дополнительных признаков придается статус преступного деяния;
- 2) из состава преступления исключаются определенные признаки, в силу чего оно становится менее опасным для общественных отношений и признается лишь административным правонарушением.

Первое из обозначенных проявлений чаще всего выражается в том, что административное правонарушение дополняется признаками, повышающими его общественную опасность, что, собственно, и является основанием перевода такого деяния из числа административных деликтов в разряд преступных. Общественная опасность носит объективный ха-

рактор и определяется качественным и количественным показателями. Первый определяется видом общественных отношений, на которые осуществляется посягательство. Количественный — разновидностью и объемом причиняемого вреда. В рассматриваемом случае, как правило, административный деликт дополняется наступлением вредного или более тяжкого последствия, выражающегося в причинении конкретного вреда, существенного или крупного ущерба, в извлечении в определенном размере дохода или в образовавшейся задолженности и т. д. В частности, осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии) образует административное правонарушение (ст. 14.1 КоАП РФ), а при причинении этим деянием крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечении дохода в крупном размере — преступление (ст. 171 УК РФ). Примерами деяний, различающихся по размеру последствий, являются хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты. При их совершении в размере до 2500 рублей (при отсутствии признаков, установленных в УК РФ) они образуют административное правонарушение (ст. 7.27 КоАП РФ) тогда как свыше указанного размера — преступления (ст. 158, 159, 160 УК РФ). Или, например, уничтожение или повреждение чужого имущества, образующее административное правонарушение (ст. 7.17 КоАП), при причинении значительного ущерба гражданину становится преступным деянием (ст. 167 УК РФ). Нарушение правил охоты, образующее административное правонарушение (ст. 8.37 КоАП РФ), при причинении содеянным крупного ущерба или совершенное с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей, в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, и ряда других признаков становится уголовно наказуемой незаконной охотой (ст. 258 УК РФ).

Второе проявление можно продемонстрировать на примере ст. 7.27.1 КоАП РФ и ст. 165 УК РФ, которые имеют абсолютно идентичные названия: «Причинение имущественного ущерба путем обмана

или злоупотребления доверием». Состав административного правонарушения включен в КоАП РФ значительно позже принятия УК РФ 1996 г., в котором указанное преступление содержалось изначально. В редакции административной нормы непосредственно указано на отсутствие признаков уголовно наказуемого деяния, единственным отличием которого является крупный размер указанного ущерба.

Анализ приведенных, а также целого ряда других норм административного и уголовного законодательства, казалось бы, подтверждает позицию И. А. Большой, которая, ссылаясь на мнения различных ученых, утверждает, что «именно степень общественной опасности выступает критерием отграничения административного правонарушения от преступлений» [3, с. 112]. Вместе с тем обращение к актам регионального правотворчества позволяет утверждать, что критерием разграничения схожих административных правонарушений и преступлений может быть не только причиняемый вред (главный показатель общественной опасности), который является объективным признаком деяния, но и его субъективные признаки. Это утверждение иллюстрирует акт регионального правотворчества. Так, в ч. 1 ст. 5.7 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях предусмотрено «жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, если это деяние не содержит признаков преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ» [4]. Данная норма частично дублирует содержание нормы ст. 245 УК РФ, за исключением специальных альтернативных целей и мотивов совершения преступного деяния. Именно этими признаками указанные деяния и различаются, тогда как их вредные последствия одинаковы, что непосредственно опровергает вышеприведенное утверждение.

Возвращаясь к последствиям деяния как к критерию его отраслевой принадлежности, нельзя не отметить, что в ряде случаев грани различий административных деликтов и преступлений очень тонкие. Особенно в тех случаях, когда последствие является оценочным понятием. Примером являются ст. 7.17 КоАП РФ и ст. 167 УК РФ. Единственный их разграничитель — значительный ущерб, на котором непосредственно

акцентирует внимание и правоприменитель [5]. Его размер регламентирован в примечание 2 к ст. 158 УК РФ и определяется двумя признаками: имущественным положением гражданина (которое, собственно, и является оценочным) и суммой ущерба — не менее пяти тысяч рублей. С учетом имущественного положения потерпевшего одинаковый размер уничтоженного или поврежденного имущества, превышающий пять тысяч рублей, может образовывать и административное правонарушение, и преступление. Оценка содеянного ставится непосредственно в зависимости от фактического имущественного положения потерпевшего, которая, в конечном итоге, отдается на судейское усмотрение. При этом осознание виновным этого обстоятельства значения не имеет. В результате в некоторых случаях уголовное преследование по ч. 1 ст. 167 УК РФ судом прекращается, что свидетельствует о разных подходах к оценке имущественного положения потерпевшего правоприменителями (органами предварительного расследования и судом). Так, по одному из дел, возбужденному по ч. 1 ст. 167 УК РФ в отношении Д., повреждение им лобового стекла автомобиля «Хонда Аккорд» и тем самым причиненный его собственнику, являющемуся индивидуальным предпринимателем и имеющему в собственности движимое и недвижимое имущество, ущерб в сумме 18 256 рублей 43 коп., ущерб суд признал незначительным, в связи с чем уголовное дело было прекращено [6]. Такой же размер ущерба, причиненный менее состоятельному гражданину, мог бы быть признан значительным и повлек бы обвинительный приговор. Здесь возникает вопрос о реализации принципов равенства граждан перед законом, но не в части их обвинения, а их защиты уголовным законом и справедливости. По сути, быть гражданину потерпевшим от преступления или нет в данном случае также решается в зависимости от имущественного положения потерпевшего, к которому виновный может быть безразличен, поэтому такой подход нельзя признать удачным. При этом лицо совершает деяние умышленно, но даже при осознании уничтожения или повреждения достаточно дорогостоящего (как в приведенном примере) имущества его действия не составляют общественной опасности в той

степени, которая необходима для признания его действий преступными, и в результате повлечет лишь «символическое» наказание (по ст. 7.17 КоАП РФ — административный штраф от 300 до 500 рублей, тогда как по ст. 167 УК РФ — штраф до 40 000 рублей, а самым строгим наказанием установлено лишение свободы сроком до двух лет). Такое положение вряд ли отвечает принципу справедливости [7, с. 165].

Кроме того, регламентируя понятие значительного ущерба в УК РФ, законодатель прямо указывает на его причинение гражданину, из чего следует, что преступное посягательство в таком размере осуществляется только в отношении граждан, тогда как административное правонарушение может быть обращено и на юридических лиц, что нарушает равенство охраняемых интересов граждан и организаций.

2. Конструирование состав преступлений посредством использования в качестве их признаков административного правонарушения. Речь идет о нормах, в которых административное правонарушение является одним из обязательных признаков преступления. Примерами таких составов преступлений являются склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ (ст. 230 УК РФ), вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) и др.

Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также занятие проституцией образуют административные правонарушения (ст. 6.9 и ст. 6.11 КоАП РФ). Таким образом, уголовная ответственность по своей сути установлена за вовлечение лиц в совершение этих административных правонарушений. Причем относительно вовлечения в первое из указанных правонарушений квалификационных проблем не возникает, поскольку момент склонения к потреблению наркотических средств определен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [8]. Относительно вовлечения в проституцию не все так однозначно. Понятие проституции

не легализовано соответственно. В научных источниках она определяется по-разному [9, с. 90; 10, с. 19; 11, с. 16], однако большинство ее определений схожи, сводя ее сущность «к тому, что лицо систематически вступает в сексуальный контакт с другим лицом или различными лицами за плату» [12, с. 119]. Признак систематичности оказания платных сексуальных услуг не позволяет однозначно точно определить момент окончания преступления, предусмотренного ст. 240 УК РФ. Таким образом, абстрактность административного правонарушения влечет за собой квалификационную проблему применения преступления, в котором оно использовано в качестве его признака. Кроме того, потерпевшие от преступлений, предусмотренных ст. 230 и 240 УК РФ, несмотря на то, что вовлечены в их совершение другими лицами, не освобождаются от ответственности за совершение соответствующих административных правонарушений. Получается, что потерпевших от уголовного посягательства, от которого их обязано было защитить государство, но оказалось неспособным это сделать, еще и наказывает само государство за те действия, от которых не защитило. Здесь опять возникает вопрос о социальной справедливости, но уже к государству об установлении такого подхода к своим гражданам.

К этой же группе взаимодействия УК РФ и КоАП РФ следует отнести и такой состав преступления, как вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ). Действия, в которые вовлекается несовершеннолетний (систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством) административными правонарушениями не являются. Однако за отдельные из них административная ответственность устанавливается законами субъектов Российской Федерации. Так, ст. 8.1 Кодекса Костромской области об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за попрошайничество и приставание к гражданам. Таким образом, совершение на территории Костромской области преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ в части вовлечения несовершеннолет-

него в попрошайничество, также означает его вовлечение в совершение административного правонарушения. При этом несовершеннолетний (достигший возраста 16 лет), начавший заниматься попрошайничеством, должен быть привлечен к административной ответственности, тогда как совершение аналогичного преступления в других субъектах Российской Федерации таких неблагоприятных последствий для вовлеченного в попрошайничество не влекут. В данном случае очевидной становится несогласованность представленных норм УК РФ и законодательства об административных правонарушениях, принимаемого отдельными субъектами Российской Федерации. Выходом из таких ситуаций представляется закрепление в КоАП РФ общей нормы (распространяемой и на административное законодательство субъектов Российской Федерации), устанавливающей положение о том, что вовлечение в совершение административного правонарушения, образующего уголовно наказуемое деяние, является специальным основанием освобождения от административной ответственности (если и не всех лиц, то, хотя бы несовершеннолетних).

3. Конструирование преступлений и административных правонарушений близкими по содержанию. Третья форма взаимодействия норм, регламентирующих преступления и административные правонарушения, выражается в наличии близости содержательного характера многих из них, которая делает одни из них смежными, другие — конкурирующими. При этом их различия проявляются не только в уровне общественной опасности (о которой указывалось выше), но и в иных содержательных признаках.

Речь идет о таких нормах, которые различаются одним-двумя признаками. Их можно представить следующими парами деяний: ст. 6.10 КоАП РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ») и ст. 151 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественные действия, в число которых входит вовлечение в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ»); ст. 19.23 КоАП РФ

(«Подделка документов, штампов, печатей или бланков, их использование, передача либо сбыт») и ст. 327 УК РФ («Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков»); ст. 20.1 КоАП РФ («Мелкое хулиганство») и ст. 213 УК РФ («Хулиганство»); ст. 20.3.1 КоАП («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») и ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»); ст. 5.62 КоАП РФ («Дискриминация») и ст. 136 УК РФ («Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», кстати сказать, обозначенное в диспозиции нормы той же дискриминацией) и др. Достаточно много таких норм содержится в гл. 8 КоАП РФ («Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования») и гл. 26 УК РФ («Экологические преступления»), которые весьма сложно разграничить в силу чрезмерного использования при их построении оценочных понятий [13, с. 5–6].

Смежность и конкуренция административных деликтов и преступлений, а равно и возникающие между ними коллизии лежат в основе развернувшейся в ученой среде дискуссии о приоритетности норм соответствующих отраслей права. Так, Н. И. Пикуров, Л. В. Иногамова-Хегей, М. Н. Белова, И. В. Шишко, О. Толмачев оставляют приоритет за уголовным законодательством и возможность применения норм административного законодательства усматривают только в случае недостаточности в содеянном признаков уголовно наказуемого деяния. Некоторые из ученых высказываются о необходимости закрепления такого положения и в УК РФ, и в КоАП РФ. Приоритет другим отраслям права при коллизии их норм с нормами уголовного закона отдавала Н. Ф. Кузнецова. Сегодня эту позицию отстаивают В. А. Навроцкий, Ю. А. Яницкий, В. Маевский, усматривая приоритет административного законодательства перед уголовным [3, с. 114–116]. В основе этих позиций лежат гуманизм, стремление к минимуму репрессии и к улучшению положения правонарушителя.

И. А. Большова, руководствуясь признаком системности права, разрешение возникающих коллизий между уголовно-правовыми и административными нормами видит в применении правил конкуренции общей и специальной норм, т. е. в применении той, которая более полно и детально раскрывает признаки совершенного посягательства [3, с. 116]. Однако некоторые из норм рассматриваемых отраслей права настолько близки по содержанию, что непросто определить, какая из норм является общей, а какая — специальной, что порождает их противоречия и, как следствие, квалификационные ошибки. Их причины точно определил М. В. Бавсун — пресыщение законодательства положениями, конкурирующими друг с другом. Он также заметил, что «за счет появления значительного числа противоречий наступает эффект, обратный предполагаемому, а именно происходит ослабление борьбы с тем или иным явлением в связи с возникшими противоречиями» [14, с. 3-7].

В силу изложенных обстоятельств, безусловно, И. А. Большова права, настаивая на необходимости приведения в соответствие содержания УК РФ с содержанием КоАП РФ, руководствуясь принципом согласованности норм этих отраслей законодательства [3, с. 117]. Кроме того, необходимым видится именно на законодательном уровне более четкое разграничение административных деликтов и преступлений прежде всего посредством замены оценочных их признаков конкретизированными формами описания фактических обстоятельств деяния.

4. Последней, четвертой формой проявления взаимодействия норм УК РФ и КоАП РФ является **конструирование составов преступлений с административной преюдицией**. Их смысл заключается в том, что преступление образует повторное или неоднократное совершение одного и того же или однородного административного правонарушения в течение определенного срока с момента привлечения лица к административной ответственности (или в течение периода, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию). Такой способ построения уголовно-правовых норм следует признать одной из современных тенденций развития уголовного законодательства Российской

Федерации. Свидетельством тому является ежегодное последовательное увеличение статей Особенной части УК РФ, содержащих такие преступления. Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих постановлений обосновал целесообразность конструирования таких норм тем, что неоднократное совершение лицом административных правонарушений указывает на недостаточность административных средств для предотвращения таких деяний, что и является причиной для криминализации соответствующих действий [13].

В первой редакции УК РФ 1996 г. как таковых преступлений с административной преюдицией не содержалось. Исключением можно признать лишь два преступления, содержащиеся в ст. 154 УК РФ («Незаконное усыновление (удочерение)») и в ст. 180 УК РФ («Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»), в которых фактически были представлены составы преступлений, являющиеся прототипами норм с административной преюдицией по признаку их неоднократного совершения. Сегодня в УК РФ норм с административной преюдицией насчитывается 19.

Все исследователи, анализирующие преступления с административной преюдицией, справедливо отмечают серьезные недостатки в их конструкциях. Основным из них является отсутствие единообразного подхода к использованию при их конструировании ключевых признаков: повторности, неоднократности, количества совершенных административных правонарушений, сроков, в течение которых лицо должно совершить административные правонарушения, характеристики субъекта преступления [15, с. 134; 16, с. 318; 17, с. 26–27]. Действительно, в большинстве случаев законодатель считает, что уже повторное совершение административного правонарушения должно влечь более жесткую реакцию со стороны государства — применение мер уголовно-правового воздействия (ст. 151.1, 158.1, 264.1 УК РФ и др.), тогда как в других случаях — только третьего (ст. 212.1, 175.1 УК РФ). Также в большинстве преступлений неоднократность совершения административного правонарушения определяется повторностью или неоднократностью совершае-

мого административного правонарушения в течение года, а в других — в течение полугода (180 дней) (ст. 212.1 УК РФ). Не вдаваясь в подробности других недостатков преступлений с административной преюдицией, отметим, что многочисленные мнения и позиции ученых, высказываемые о конструкциях таких норм, красноречиво демонстрирует отсутствие систематизированного подхода к их построению, их противоречивости и внутренней несогласованности с другими нормами уголовного закона, поэтому в большинстве своем они оцениваются негативно.

Кроме теоретических проблем, применение уголовно-правовых норм с административной преюдицией обнаруживает их квалификационные проблемы. В частности, связанные со сложностью процедур привлечения к административной ответственности отдельных категорий граждан (членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы Российской Федерации, судей, прокуроров), а также привлечения за совершение административных правонарушений к дисциплинарной ответственности военнослужащих, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, ФСИН, противопожарной службы и таможенных органов, в силу чего они не отвечают признакам субъекта преступлений с административной преюдицией [16, с. 320].

С некоторыми квалификационными проблемами непосредственно сталкивается судебная практика. Так, по одному из дел К. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, т. е. в управлении автомобилем в состоянии опьянения, имея административное наказание по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ. Однако в ходе рассмотрения дела было установлено, что решение мирового судьи, наложившего на К. административное наказание, вступило в законную силу после повторного управления К. транспортным средством в состоянии опьянения. В связи с этим на момент повторного нарушения К. не считался привлеченным к административной ответственности. Таким образом, несмотря на то, что фактически К. управлял автомобилем в нетрезвом состоянии повторно, по формальным признакам в его действиях отсутствует состав

преступления, предусмотренный ст. 264.1 УК РФ, на основании чего суд вынес решение об отсутствии в действиях К. состава преступления [18]. Возникновение аналогичных и других квалификационных проблем нельзя исключить и по другим преступлениям с административной преюдицией, что, безусловно, указывает на недостаточную их проработанность и необходимость дополнительного анализа и совершенствования.

Изложенное позволяет заключить, что формы взаимодействия охранительных норм административного и уголовного законодательства весьма разнообразны. При этом каждая из них обнаруживает многочисленные теоретические проблемы, которые нередко приводят к практическим проблемам их применения. И тот, и другой круг проблем требует своего разрешения, что видится возможным только при глубоком детальном проведении анализа всех точек соприкосновения административного и уголовного законодательства. Его результатом должно стать согласование их норм, исключение из УК РФ или КоАП РФ противоречивых друг другу положений, по возможности исключение смежных и конкурирующих норм, а также законодательное установление разграничительного критерия тех норм, которые невозможно исключить, и закрепление правил квалификации конкурирующих норм.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 21.11.2021).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.11.2021).
3. Большова И. А. Соотношение норм уголовного и административного законодательства: методологический анализ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 4 (81). С. 108–118.
4. Кодекс города Москвы об административных правонарушениях (с изм. и доп.): Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/3686331> (дата обращения: 21.11.2021).

5. Решение Петровского районного суда Ставропольского края по делу № 12-68/2017 от 02.10.2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/quyjtyeCAeIJ/> (дата обращения: 22.11.2021).

6. Решение Ставропольского районного суда Самарской области г.о. Тольятти от 26.11.2020 по делу № 2-2715/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/a9IGasO3jadg/> (дата обращения: 22.11.2021).

7. Мамедова Ф. Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 148–168.

8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 24.11.2021).

9. Дьяченко А. П., Аверина Н. А. Экспертные оценки проблем проституции в СССР. В сб.: Проблемы борьбы с девиантным поведением. М., 1989. С. 88–98.

10. Станская А. А. Проституция несовершеннолетних — социальная и правовая проблема общества. СПб., 2005. 323 с.

11. Улицкий С. Ответственность за вовлечение в занятие проституцией // Законность. 2005. № 3. С.14–16.

12. Пантюхина И. В. Принуждение к занятию проституцией как особый вид понуждения к действиям сексуального характера // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 118–127.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 по делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина // Российская газета. 2017. 28 февраля.

14. Бавсун М. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 3–7.

15. Гошаев И. М. Регламентация административной преюдиции в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ // Юрист-Правоведь. 2017. № 3 (82). С. 130–135.

16. Кольцова Е. Ю. Институты административной и дисциплинарной преюдиции в уголовном законодательстве Российской Федерации. В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения — 2020. Сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. 2020. С. 317–321.

17. Сончев М. Н. Административная преюдиция в уголовном праве России // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2021. № 1. С. 25–27.

18. Постановление мирового судьи судебного участка № 4 г. Мичуринск Тамбовской области от 03.03.2016 по делу № 1-13/2016/4 // Архив судебного участка № 4 г. Мичуринск Тамбовской области.

References:

1. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 30.12.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 10.01.2022) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (access date: November 21, 2021).

2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 30.12.2021) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: November 21, 2021).

3. Bolshova I. A. Correlation between the norms of criminal and administrative legislation: a methodological analysis // Bulletin of the Volzhsky University named after V. N. Tatishchev. 2014. No. 4 (81). Pp. 108–118.

4. The Code of the City of Moscow on Administrative Offenses (as amended and supplemented): Law of the City of Moscow dated November 21, 2007 No. 45 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/3686331> (access date: November 21, 2021).

5. The decision of the Petrovsky District Court of the Stavropol Territory in case No. 12-68 / 2017 dated 02.10.2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/quyjtyeCAeJ/> (access date: November 21, 2021).

6. The decision of the Stavropol District Court of the Samara Region g. about Togliatti from 11/26/2020 in case No. 2-2715 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/a9IGasO3jadg/> (access date: November 22, 2021).

7. Mamedova F. F. Justice in criminal law: the current state of the issue // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 1. Pp. 148–168.

8. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 No. 14 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (access date: November 24, 2021).

9. Dyachenko A. P., Averina N. A. Expert assessments of the problems of prostitution in the USSR. In Sat: Problems of Combating Deviant Behavior. M., 1989. Pp. 88–98.

10. Stanskaya A. A. Prostitution of minors is a social and legal problem of society. SPb., 2005. 323 p.

11. Ulitskiy S. Responsibility for involvement in prostitution // Legality. 2005. No. 3. Pp. 14–16.

12. Pantyukhina I. V. Compulsion to engage in prostitution as a special type of compulsion to acts of a sexual nature // Legal state: theory and practice. 2019. No. 1 (55). Pp. 118–127.

13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.02.2017 on the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I. I. Dadina // Rossiyskaya Gazeta. 2017. 28 February.

14. Bavsun M. V. Differentiation of criminal responsibility for crimes against property: current state and development prospects // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 6. Pp. 3–7.

15. Goshayev I. M. Regulation of administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: historical and legal analysis // Yurist-Pravoved. 2017. No. 3 (82). Pp. 130–135.

16. Koltsova E. Yu. Institutions of administrative and disciplinary prejudice in the criminal legislation of the Russian Federation. In the collection: Actual problems of science and practice: Gatchina readings — 2020. Collection of scientific papers based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference. 2020. Pp. 317–321.

17. Sonchev M. N. Administrative prejudice in the criminal law of Russia // Actual problems of combating crimes. 2021. No. 1. Pp. 25–27.

18. Resolution of the magistrate of judicial district No. 4, Michurinsk, Tambov region dated 03.03.2016 in case No. 1-13 / 2016/4 // Archive of judicial district No. 4, Michurinsk, Tambov region.